

М. В. Шкаровский*

Духовенство Русского корпуса в Югославии в 1941–1945 годах

История действовавшего в 1941–1945 гг. на территории Югославии Русского корпуса, самого крупного воинского соединения, созданного русской эмиграцией в годы Второй мировой войны, до сих пор недостаточно изучена исследователями. Одной из наименее известных ее страниц является деятельность священнослужителей корпуса. Между тем он с самого начала по образцу императорской российской или Белой армии имел в своем составе штатное военное духовенство, находившееся в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей и назначаемое служить в корпус Архиерейским Синодом и лично главой РПЦЗ митрополитом Анастасием (Грибановским).

После нападения Германии на Югославию в апреле 1941 г. русские эмигранты в подавляющем большинстве пришли на помощь приютившей их стране. Принявшие югославское гражданство были призваны в армию, многие добровольно вступили в нее. Хотя активные боевые действия продолжались лишь неделю, некоторые эмигранты, сражаясь с немцами, погибли, другие оказались ранены или попали в плен и были увезены в лагеря на территорию Германии (отчасти поэтому в Русском корпусе ощущался недостаток лиц призывного возраста). Так, например, служивший в югославской армии бывший белый офицер майор А. М. Протопопов (позднее командир казачьей сотни и интендант Русского корпуса) по приказу генерала Драголюба (Дражи) Михайловича взорвал мост через Дунай и железнодорожные пути на участке Будапешт–Белград, преградив путь венгерским войскам. За это он был награжден югославами орденом Св. Саввы, а венграми, воевавшими на стороне Германии, в дальнейшем арестован и приговорен военно-полевым судом к смертной казни. А. Протопопову удалось бежать в Хорватию, где он все же 2–3 месяца находился в концлагере.

* © Шкаровский М. В., 2008

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Начальник 4-го отдела Русского общевойскового союза генерал Барбович, командир Кубанской казачьей дивизии генерал В. Э. Зборовский (в дальнейшем командир 1-го полка Русского корпуса), командир гвардейского казачьего дивизиона полковник А. И. Рогожин (будущий начальник Русского корпуса) предоставили себя и возглавляемые ими части в распоряжение югославского командования. Однако из-за стремительного окончания боев до практического использования их предложений дело не дошло¹.

Почти все бывшие офицеры и солдаты Белой армии мечтали вернуться на родину. В Югославии их поселилось в начале 1920-х гг. около 40 тыс. человек, и часть желала снова с оружием в руках продолжить борьбу с коммунистами и воссоздать Российскую империю. Начало войны между Германией и СССР они восприняли как благоприятный момент для осуществления своих намерений, выступив с инициативой создания боевых частей для дальнейшей отправки в Россию. Следует отметить также, что в условиях оккупации Югославии, усиления в этой стране внутренних национальных, религиозных и политических конфликтов русская эмиграция оказалась в трагическом положении. Она лишилась всякой материальной поддержки со стороны югославского государства и оказалась объектом гонений, репрессий и даже физического уничтожения прежде всего со стороны коммунистических отрядов под командованием И.-Б. Тито, а также оккупационных войск и борющихся с оккупантами сербских частей генерала Д. Михайловича (четников). Так, в Белграде по обвинению в антигерманской деятельности немцами были расстреляны брат настоятельницы Леснинского монастыря граф Ефимовский, инженер Николаев, полковник Савельев, есаул Приходько и др.; коммунисты же к 1 сентября 1941 г. убили свыше 50 человек, в том числе нескольких священников и целые семьи с женщинами и детьми.

Возглавлявший с 22 мая 1941 г. «Бюро для представительства интересов и поддержки русских эмигрантов в Сербии» генерал-майор Михаил Федорович Скородумов, стремясь облегчить положение соотечественников, неоднократно обращался по этому поводу к германскому командованию, но ему лишь порекомендовали отдать приказ о вступлении русских эмигрантов по месту жительства сначала в германские воинские части, а затем в создаваемую под эгидой оккупационных властей сербскую жандармерию. И то и другое для русских монархистов, к которым принадлежал и М. Скородумов, было совершенно неприемлемо. Генерал восстановил двуглавого орла на фронтоне здания бывшего российского посольства после выезда из него советских дипломатов, но уже 3 августа должен был снять по требованию немцев герб императорской России со своего официального органа — газеты «Русский бюллетень»².

В начале сентября Скородумов вступил в переговоры с командованием германских войск в Сербии о создании русской воинской части, он настаивал на следующих условиях: русские части должны быть одеты в русскую форму, не принимать никакой присяги, не входить в состав германских частей, не использоваться против какого-либо государства или сербских частей генерала Михайловича и должны быть переброшены в Россию. Однако гене-

ралу было указано, что может быть образована лишь русская охранная группа, предназначенная исключительно для защиты промышленных предприятий на территории Сербии, создание же боевых частей запрещается. 12 сентября Скородумов получил соответствующий приказ от начальника штаба главнокомандующего вермахтом на Юго-Востоке полковника Кевиша.

В тот же день генерал в качестве командира Русского корпуса отдал приказ № 1, опубликованный 14 сентября в «Русском бюллетене» и ставший полной неожиданностью для немцев. В этом приказе ничего не говорилось о войне на стороне Германии: «Сегодня, в день св. благоверного князя Александра Невского, покровителя многострадальной Земли Российской, исполнились заветные желания русских людей начать службу своей Родине в Русской армии... Призываю гг. офицеров, унтер-офицеров, урядников, солдат и казаков к выполнению своего долга, ибо ныне открывается новая страница русской истории. От нас зависит, что будет записано на этой странице. Если возродится Русская армия, то возродится и Россия. С Божией помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении нас приютившей страны, я приведу вас в Россию». В приказе также объявлялась мобилизация всех эмигрантов в возрасте 18–55 лет, которые должны были зарегистрироваться в Белграде уже 18–21 сентября³. Со стороны немцев последовала резко негативная реакция. Согласно докладной записке Рейхсминистерства занятых восточных территорий, 14 сентября Скородумов был снят со своего поста и арестован гестапо, причем отмечалось, что до оккупации Югославии он относился к Германии враждебно⁴. Генерал пробыл в заключении 3 недели, после освобождения из-под ареста демонстративно занимался сапожным ремеслом, в 1944 г. вступил в Русский корпус рядовым и в этом качестве несколько месяцев сражался в его частях (скончался в США в 1963 г.).

Епископ Григорий (Граббе) так описывает в своих воспоминаниях деятельность Скородумова, пытавшегося «мобилизовать» на борьбу и РПЦЗ: «Он был боевым офицером, по-видимому очень храбрым, который мечтал поднять русскую эмиграцию для участия в борьбе с коммунизмом. В этом отношении он был готов идти вместе с немцами, но одновременно с этим он был и патриотом, который не хотел сдавать немцам никаких позиций. Но надо сказать, что в церковном отношении он понимал очень мало. У нас сразу же возникли с ним столкновения, потому что он написал приказ, который был адресован духовенству. И в этом приказе было сказано, как служить молебны, как служить литургию и вообще давались самые неожиданные указания духовенству, которые, конечно, мы никак не могли принять». По поводу этих требований тогда еще мирянин, правитель дел Архиерейского синода Г. П. Граббе имел «неприятный разговор» в гестапо, где заявил, что Церковь никаким распоряжениям, издаваемым людьми, не имеющими к ней отношения, подчиняться не будет⁵.

Известно, что Гитлер на протяжении всей войны противился созданию воинских строевых частей из славян, особенно из русских. Но при всем неприятии этой идеи высшим руководством командование вермахта порой брало на себя ответственность и разрешало создание таких частей. Подобная

история произошла в Югославии. Германские войска здесь всячески пытались подавить разраставшееся партизанское движение. Даже безоружное гражданское население привлекалось к охране линий телефонной связи, железнодорожных путей и т. п. В этих условиях формирование русской части не было полностью запрещено, со 2 октября по 18 ноября 1941 г. она по инерции даже называлась охранным корпусом, затем охранной группой (нацисты не хотели допустить даже присутствия слова «русский» в названии). Ее командиром 2 октября был назначен начальник штаба при Скородумове генерал-лейтенант Б. А. Штейфон. Он подчинялся германскому хозяйственному управлению в Сербии, но ни один немецкий офицер дисциплинарной властью в группе не пользовался, и все ее чины носили старую форму русской армии.

Председатель Архиерейского синода РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) еще в середине сентября 1941 г. дал благословение на создание Русского корпуса, в ряды которого вступили многие представители его паствы. 26 сентября он назначил протоиерея Иоанна Гандурина корпусным священником, а иеромонаха Антония (Медведева) из монастыря прп. Иова Почаевского в Словакии полковым священником 1-го стрелкового полка. Через полторы недели после начала формирования 2-го стрелкового полка, 29 октября, его священником был назначен иерей Владимир Ульянов. 23 января 1942 г. должность священника 3-го полка занял выпускник парижского Свято-Сергиевского института, бывший настоятель русского храма в югославской Белой Церкви протоиерей Борис Молчанов, а 5 февраля священником запасного батальона митрополит назначил иеромонаха Никона (Рклицкого) — выпускника юридического факультета Киевского университета, бывшего офицера Добровольческой армии, издававшего с 1921 г. в Югославии «Военный вестник», а затем «Царский вестник». В монашество он был пострижен митрополитом Анастасием в октябре 1941 г., затем рукоположен в священный сан.

Вскоре после начала формирования 2-го полка владыка Анастасий с чудотворной Курской Коренной иконой Божией Матери посетил казармы корпуса для освящения походной полковой церкви и был торжественно встречен выстроившимися во дворе казарм частями. На Рождество 1942 г. 2-й полк с оркестром прошел до русской Свято-Троицкой церкви в Белграде, где присутствовал на торжественном богослужении. Важнейшие решения получали санкцию Архиерейского синода. Так, 23 ноября 1941 г. Синод утвердил назначение корпусным священником протоиерея И. Гандурина, а 22 апреля 1942 г. принял резолюцию об освобождении о. Иоанна ввиду упразднения его должности (так как название корпуса не признавалось). С этого момента до конца 1942 г. в охранной группе служили 4 указанных представителя духовенства: священники Антоний, Никон, Борис и Владимир. Каждый из них окормлял один из полков, которые переименовали в отряды, при этом запасной батальон был развернут в 4-й отряд⁶.

Более года охранная группа официально воинской частью не считалась. Категорически было отказано и в ее отправке на Восток — германское коман-

дование опасалось появления там крупной русской части под командованием националистически настроенных офицеров. Большинство военнослужащих вступили в состав корпуса (группы) добровольно, при этом определенная часть с целью спасения семей от голодной смерти, так как немецкое командование обязало подконтрольное сербское правительство уволить всех русских со службы. Для пополнения состава группы использовалась и принудительная мобилизация части офицеров. Так, капитан А. Шевченко на допросе в СССР в 1946 г. показал, что вступил в корпус под угрозой Б. Штейфона предать его полевому суду за отказ, а майор А. Протопопов, также мобилизованный в ноябре 1941 г., «был большой противник нацизма, он проявлял симпатию к России»⁷. Впрочем, и значительная часть добровольцев не питала никакого доверия или расположения к немцам, догадываясь об истинных целях нацистов в войне с СССР: «Они верили в Россию и ее светлое будущее, не допускали мысли о возможности завоевания России Германией»⁸.

В конце 1941–1942 гг. отряды Русской охранной группы, занимая определенные районы, обеспечивали охрану от нападений партизан различных, главным образом хозяйственных объектов. При этом они периодически имели боевые столкновения с коммунистическими отрядами, с частями же генерала Михайловича отношения были нейтральными, порой даже лояльными. В сборнике свидетельств и воспоминаний бойцов корпуса отмечалось: «Части Русского корпуса никогда не вели никаких неприятельских действий против четников генерала Дражи Михайловича, наоборот, всегда были готовы оказать им любую помощь и содействие, хотя сам генерал в первое время не понимал наших побуждений и избегал сношений с командиром и частями Русского корпуса... четнические отряды воевали то против немцев, то... против красных партизан Тито, то вдруг нападали на... слабые части Русского корпуса, к которым они постоянно обращались за помощью, главным образом огнеприпасами, и никогда не получали отказа. Части Русского корпуса никогда на четников не нападали, но, действуя совместно, всегда должны были быть начеку и держать ухо востро»⁹.

Помощь четникам действительно осуществлялась, но порой она наказывалась. Так, интендант корпуса А. Протопопов был снят со своей должности и понижен в звании с майора до лейтенанта за то, что поддерживал связь с четниками Михайловича, передавал им вооружение и «сообщал о движении немецких машин с оружием, которое партизаны забирали себе»¹⁰. Большинство чинов корпуса давно жили в Югославии и с большой симпатией относились к этой стране, и вынужденное участие в войне на ее территории (с некоторой частью ее жителей) у многих вызывало внутренний протест.

Части Русской группы, а затем корпуса базировались и на территории Хорватии, где в местах их дислокации не раз находили убежище православные сербы, спасавшиеся от истребления пронацистскими уставами (военно-политическая профашистская организация). Так, например, летом 1942 г. бойцами 1-го отряда было перевезено через реку Дрину и спасено от смерти 10–12 тыс. сербских беженцев, прижатых к реке и расстреливаемых уставами. В 1943 г. в районе Зворника были спасены свыше 1,5 тыс. человек,

400 раненым оказали медицинскую помощь; в июле-августе 1944 г. было перевезено через Дрину и размещено в Бане Ковиляче свыше тысячи сербских детей и т. д.¹¹

Служившие в частях группы воинские священники публично молились за интернированного немцами Патриарха Гавриила и сербского короля Петра II, выступавшего в Лондоне с резкими антинацистскими заявлениями. По этому поводу летом 1942 г. возник инцидент. Командир 1-й бригады генерал-майор Драценко обратился к начальнику охранной группы: «Является странным, что наши отрядные священники молятся за тех, кто поддерживает безбожников-большевиков — разрушителей России, за тех, кто по радио поддерживает восстания в Сербии». Он считал, что «священники, входящие в состав охранной группы, борющейся против коммунизма и его сторонников», не должны молиться за Патриарха и короля¹².

Начальник штаба группы переслал рапорт Драценко митрополиту Анастасию, который 16 июля написал Штейфону о своем категорическом отказе прекратить моления: «Святейший Патриарх Гавриил, который, кстати сказать, за время своего управления Церковью всегда оказывал любовь и внимание к Русской Церкви и эмиграции и неоднократно резко выступал против коммунизма, если сейчас и не управляет Церковью фактически, остается ее каноническим Главою, и потому на ее территории мы не имеем права его не помянуть... Что касается королевского дома, то он не низложен... Имея в виду это обстоятельство и то, что сербский королевский дом неизменно оказывал русской эмиграции свое высокое покровительство, а также был всегда известен своим непримиримым отношением к коммунизму... я нахожу совершенно невозможным делать распоряжение о прекращении его поминовения»¹³.

Следует отметить, что Штейфон имел хорошие личные отношения с владыкой Анастасием и придавал большое значение церковной деятельности. Начальник охранной группы активно участвовал в оказании материальной помощи религиозному возрождению на оккупированной немецкими войсками территории СССР. В начале 1942 г. иеромонах Никон передал от генерала председателю Архиерейского синода 3 тыс. динаров на изготовление антиминов для отправки в западные районы СССР. 19 марта митрополит Анастасий, выразив Штейфону глубокую благодарность, сообщил, что на 2 тыс. динаров Сербский Синод уже отштамповал 80 антиминов. В июне 1942 г. в № 23 «Ведомостей охранной группы» был напечатан призыв «Комитета помощи церквам России» о сборе пожертвований для покупки церковной утвари, богослужебных книг и т. п. для отправки в российские храмы¹⁴.

В свою очередь, митрополит Анастасий участвовал в праздниках, военных парадах группы, а затем корпуса, служил для его военнослужащих молебны, произносил проповеди. Так, 30 августа/12 сентября 1942 г., в день праздника св. князя Александра Невского, владыка прибыл на престольный праздник походной церкви в казармах на Дедине и в сослужении ее настоятеля иеромонаха Никона и прибывшего духовенства отслужил торжествен-

ный молебен, после которого состоялся парад. На следующий день годовщина начала формирования Русской охранной группы была отмечена торжественным молебном, отслуженным митрополитом Анастасием во дворе белградской Свято-Троицкой церкви в присутствии Штейфона с его штабом, многочисленных офицеров и сотни 4-го отряда с оркестром. После молебна владыка произнес слово, в котором «отмечал жертвенное чувство, привлекавшее русских воинов в ряды охранной группы для вооруженной борьбы с коммунизмом». Генерал Штейфон поблагодарил митрополита Анастасия за его слово и «за всегдашнее внимание к духовным нуждам группы». Торжество закончилось парадом. 18 октября свой отрядный праздник отмечал 4-й отряд охранной группы. В этот день с благословения митрополита богослужение совершили иеромонах Никон (Рклицкий) и протоиерей Борис Молчанов¹⁵.

К середине 1942 г. партизанская война в Югославии существенно усилилась, и в этих условиях 9 июля Генеральный штаб ОКХ (Верховного командования армии) вынужденно дал согласие на преобразование русской заводской охраны в регулярную боевую часть «Русский легион» (что в действительности не было сделано), а 30 ноября 1942 г. — на создание на базе охранной группы Русского охранного корпуса со значительным увеличением численного состава, включением в состав вермахта и заменой русской формы на немецкую (правда с сохранением русского командного состава). При этом нескольких солдат и офицеров, пожелавших уйти из корпуса, предали военному суду.

И после преобразования группы в корпус настороженное, а зачастую и негативное отношение к нему со стороны нацистского руководства сохранилось и даже усилилось в связи с вынужденным допущением слова «русский» в названии части. В упомянутом сборнике свидетельств ветеранов корпуса говорилось: «С первых же дней формирования стала ясной вся сложность и трудность обстановки и началась глухая борьба с немецкой партийной идеологией и отдельными германскими начальниками из партийцев, которые стремились подчинить себе Русский корпус и использовать его в своих целях... В дальнейшем эта борьба продолжалась в течение всего существования корпуса, временами обостряясь до степени, когда возникала прямая угроза его существованию»¹⁶.

Эти высказывания подтверждаются архивными документами. Еще в марте 1942 г. в противовес охранной группе начала создаваться группа вспомогательной полиции из русских эмигрантов немецкого происхождения (белградского батальона) под командованием гауптштурмфюрера СС (полковника) М. А. Семенова (имевшего жену немку). По указанию рейхсфюрера СС Г. Гимmlера этим занимался начальник его личного штаба обергруппенфюрер и генерал войск СС К. Вольф. В октябре 1942 г. в группу вспомогательной полиции входило около 400 человек, при этом источники ее пополнения в Сербии были практически исчерпаны, и к процессу вербовки привлекли Рейхсминистерство иностранных дел. 16 октября оно информировало Вольфа, что в Хорватии удалось завербовать 70 человек, в Греции 37, в Болгарии 20, и подобные акции состоятся в Румынии и Венгрии.

В своем письме младшему государственному секретарю Лютеру от 20 ноября 1942 г. Вольф подробно обосновал необходимость создания под германским командованием батальонов вспомогательной полиции в Сербии из русских эмигрантов немецкого происхождения, пронемецки политически ориентированных, именно как противовес Русской охранной группе. При этом генерал передал слова Гимmlера: «Русская охрана предприятий действует под влиянием русского эмигрантского духовенства, с чисто русским командованием, русским языком приказов и в результате этого находится под политическим русским, прежде всего монархическим, влиянием (что точно установлено и никем не отрицается); кроме того, она имеет расово русское происхождение и включает в свои ряды существенное количество чисто азиатских типов. При вербовке во вспомогательную полицию, напротив, прямо сделан акцент на принадлежность к расовой крови. Вследствие этого людей возможно вырвать из-под влияния русского эмигрантского руководства, поставить под немецкое руководство, командный язык и пропагандистки охватить в германском духе, как принадлежащих по крови к немцам. В результате вспомогательная полиция представляет собой значительно лучший вклад в обороноспособность немецкого народа, чем русская охранная защита».

В 1943 г. вербовка в указанные батальоны в 6 странах продолжалась, но существенного успеха не принесла. В марте 1944 г. они были преобразованы в «Особую группу К», а затем, после пополнения советскими военнопленными, — в особый полк СС «Варяг» под командованием того же М. Семёнова. Численность полка колебалась от 1,2 до 1,5 тыс. человек. Летом 1944 г. он был переброшен в Словению (в район Любляны), где оставался до мая 1945 г., участвуя в боях с партизанами-коммунистами. Никакого противовеса Русскому корпусу эта относительно небольшая и незначительная в военном плане часть составить не могла (весной 1945 г. и она подчинилась командованию генерала А. А. Власова). Естественно, что всякое духовенство в батальонах вспомогательной полиции и полку «Варяг» отсутствовало¹⁷.

Вскоре после вынужденного узаконения Русского охранного корпуса, 22 января 1943 г., шеф гестапо Г. Мюллер по поручению начальника полиции безопасности и СД Э. Кальтенбруннера составил докладную записку о будущем расселении русских эмигрантов, состоящих на службе в корпусе, в которой указывал: «При этом мероприятии следует избежать нежелательного устремления части русской эмиграции преждевременно вернуться в занятые восточные области. Можно использовать подходящие кандидатуры из особенно благонадежных эмигрантов, безоговорочно служащих нынешним целям рейха, чтобы помешать единой цели эмигрантов нанести ущерб германским интересам». Ни о каком допущении корпуса в качестве воинской части в Россию и речи быть не могло¹⁸.

В момент преобразования Русской охранной группы в корпус он составлял около 7,5 тыс. человек, и Штейфону было обещано пополнение в 12 тыс. добровольцев из числа советских военнопленных. Однако в действительности такое пополнение было проведено лишь 1 раз — 12 марта 1943 г. в Баницу прибыли 297 военнопленных, из которых сформировали 2 особые роты. Уже

24 марта командующий полицией безопасности и СД в Белграде Шаефтер писал своему начальнику группенфюреру СС Мейсрнеру о нежелательных результатах акции, прежде всего из-за опасности воздействия на бывших красноармейцев позиции эмигрантов, так как в рядах корпуса «находятся экстремальные приверженцы царя из русской офицерской и дворянской касты наряду с демократами, ортодоксальные православные и представители либерально-масонских взглядов». При этом отмечалось, что бывшие красноармейцы настроены не только националистически, но и империалистически и конфликтуют с казаками-сепаратистами. Кроме того, Шаефтера тревожил «горячий интерес» к военнопленным антинемецки настроенного сербского населения, постоянно спрашивающего о Советской России. Некоторые «добровольцы» вскоре бежали из транспортного поезда, тем самым создавая опасность усиления ими «коммунистических банд в Сербии». Относительно религиозности пополнения Шаефтер писал, что бывшие красноармейцы, по их словам, крещены, но избегают разговоров о религии и нередко в церкви крестятся неправильно. Впрочем, они посещают храмы, считая, что русская эмиграция особенно стремится снова привести их в Церковь¹⁹.

Интересно отметить, что через месяц после составления этого доклада, на 2-й день Пасхи, «белградская Троицкая церковь принимала молодых солдат корпуса, прибывших из России. Была торжественная пасхальная служба, в конце которой митрополит Анастасий обратился к солдатам с глубоко прочувствованным и любовным словом». Из другого сообщения известно, что владыка говорил о значении Церкви в истории русского народа и привел доводы в пользу оправдания ухода Белой армии в эмиграцию. После богослужения состоялся парад Белградского батальона корпуса²⁰.

Как только появилась информация о предстоящем преобразовании охранной группы, митрополит Анастасий направил в ее отряды (полки) дополнительных священников из числа ранее выразивших желание на переезд в Россию, но не допущенных туда немцами, в частности, иереев Григория Баранникова и Петра Димитриевича. При этом 21 декабря 1942 г. владыка поручил протоиерею Иоанну Гандурину посещать раз в неделю немецкие госпитали в Белграде для пастырского попечения иногда попадавших туда вместо русского военного госпиталя раненых русских солдат²¹.

Один из новых военных священников о. Григорий вскоре вместе с настоятелем походной церкви 3-го полка протоиереем Борисом Молчановым стал участником события, вызвавшего инцидент между Сербской Православной Церковью и РПЦЗ. 3 декабря 1942 г. Сербский Синод обратился к митрополиту Анастасию с просьбой «в интересах добрых отношений сербов и русских» указать священникам Русского корпуса избегать «погрешностей», имевших место 23 ноября в сербской церкви Косовской Митровицы, где священники Борис и Григорий во время службы якобы не поминали местного архиерея епископа Рашкопризренского Серафима, а поминали лишь владыку Анастасия и «русское христолюбивое воинство».

На запрос митрополита о. Борис 29 декабря сообщил в рапорте, что упреки совершенно не обоснованы, он и о. Григорий с разрешения архиерейского

наместника и настоятеля церквей в Косовской Митровице иногда совершали в храме Св. Саввы всенощное бдение, божественную литургию, панихиды, отпевания и молебны для русского полка, но при этом на богослужении Высшая церковная власть всегда поминалась по формуле: «О православном епископстве Церкви Сербския и Российския, о господине нашем Высокопреосвященнейшем митрополите Анастасии и господине Преосвященном епископе Серафиме», а о «христолюбивом воинстве» возглашали без упоминания национальности. Более того, русские священники фактически спасли сербских иереев, находившихся под арестом с 24 по 29 ноября. В этот период священники Борис и Григорий по просьбе церковного старосты совершали требы в городском храме (для русских и сербов) и «посылали чинов полков к немецкому коменданту с заявлениями о том, что каждому из них требуются метрические выписки, которые может дать лишь архиерейский наместник». В результате наместник вскоре был освобожден, а через несколько дней вышли на свободу и другие сербские священники²².

В течение 1943 г. Русский охранный корпус все-таки вырос численно за счет создания из эмигрантов в апреле 1-го казачьего полка и в результате разрешения вербовки добровольцев в Бессарабии, Буковине и в районе Одессы. Корпус получил около 5 тыс. человек, после чего немцы стали чинить препятствия работе вербовочных комиссий и приток пополнения прекратился. Среди этих новобранцев явно преобладали верующие, и, когда батальоны буковинцев, бессарабцев и одесситов впервые повели в белградскую церковь, русские эмигранты с удивлением отмечали, что подавляющее большинство из них правильно крестится²³.

В связи с увеличением численности корпуса потребовалось устройство новых военных церквей, и митрополит Анастасий 12 февраля 1944 г. написал начальнику Управления русской эмиграции в Сербии генерал-майору В. В. Крейтеру о необходимости передать для них имущество церкви 1-го Русского кадетского корпуса. В ответе от 23 февраля говорилось, что для учреждаемых церквей 4-го и 5-го полков корпуса было передано имущество, оставшееся после закрытия храма Русского Девичьего института в Белой Церкви. Владыка ознакомился со списком этого имущества, заверенным настоятелем гарнизонной церкви во имя св. князя Александра Невского в Белграде иеромонахом Никоном (Рклицким), и 11 марта отдал распоряжение о передаче в церковь 4-го полка также иконостаса храма Девичьего института²⁴.

Одновременно с созданием полковых церквей пополнялся и штат духовенства корпуса, правда туда принимали не всех желающих. Так, протоиерей Валентин Руденко в декабре 1942 – январе 1944 г. дважды обращался к митрополиту Анастасию с прошениями о назначении в Русский охранный корпус, ссылаясь на то, что его кандидатуру выдвинул командир 5-го полка генерал Гонтарев, в составе корпуса служат два зятя и погиб единственный сын, но владыка все-таки 13 января назначил о. Валентина в 15-й казачий корпус. 31 марта 1944 г. митрополит Анастасий назначил полковым священником 1-го полка вместо иеромонаха Антония иерея Григория Баранникова, а священником 4-го полка иеромонаха Никодима (Нагаева), бывшего генерала

Белой армии, пребывавшего ранее в монастыре Милково в Хорватии. Владимир Ульянцев и Борис Молчанов были оставлены священниками соответственно 2-го и 3-го полков, иеромонах Никон (Рклицкий) — настоятелем гарнизонной церкви, а священником 5-го полка вскоре определен иерей Иоанн Баско.

31 мая Архиерейский синод постановил привлечь священников походных церквей Русского охранного корпуса к уплате 1% обложения доходности, который они ранее не вносили в общецерковную кассу. 9 июня владыка Анастасий обратился к входившему в состав Синода митрополиту Берлинскому Серафиму (Ляде) с просьбой присмотреть из числа эвакуированных с Востока в Германию священников, «если понадобится», нескольких кандидатов для Русского корпуса. Вскоре в 3 полка были назначены вторые (батальонные) священники: в 1-й — иерей Василий Воскобойников, во 2-й — иерей Владимир Могилев, в 4-й — иеромонах Викторин (Лябах), и, таким образом, считая состоявшего в штате гарнизонной церкви иеродиакона Вассиана, число священнослужителей достигло максимального количества — 10 человек²⁵. Помимо них при корпусном храме и в полках имелись псаломщики: выпускник богословского факультета Белградского университета Борис Крицкий, сын архиепископа Гермогена (Максимова) Сергей Максимов, Иван Ревенко и Николай Иванов.

В сентябре—октябре 1944 г. в положении корпуса и его духовенства произошли существенные изменения. После перехода на сторону стран антифашистской коалиции Болгарии и Румынии положение германских войск и их союзников на территории Югославии стало критическим. Русскому корпусу с сентября и до конца войны пришлось участвовать в активных фронтовых боях с регулярными воинскими частями Народно-освободительной армии Югославии, болгарскими и в сражении под г. Чачаком даже с частями 65-й советской армии. В связи с этим из его названия было вычеркнуто слово «охранный», «остававшееся как пережиток тенденций партийных кругов». С 10 октября 1944 г. он официально именовался Русский корпус в Сербии, а с 31 декабря — просто Русский корпус. На 12 сентября его численность составляла 11 197 человек — 5 полков в среднем по 2200 человек в каждом, но затем быстро начала сокращаться в результате тяжелых потерь²⁶.

В связи с приближением советских войск Архиерейский синод 7 сентября переехал из Белграда в Вену. Согласно указу митрополита Анастасия все русские приходы и возглавляющий их епископский совет при Управлении русскими православными общинами в Сербии были временно подчинены сербской церковной юрисдикции, а духовенство корпуса осталось «вне церковного объединения и возглавления». В результате Б. Штейфон 25 сентября обратился к владыке Анастасию с просьбой «полковые церкви... корпуса, как не связанные с населением определенной территории и обслуживающие исключительно чинов корпуса, подчинить непосредственно... Архиерейскому синоду Русской Православной Церкви через главного священника Русского охранного корпуса». Для осуществления этого плана генерал просил назначить главным священником занимающего пост священника штаба корпуса

иеромонаха Никона (Рклицкого) с возведением его в сан архимандрита. 30 сентября Архиерейский синод постановил возвести о. Никона в сан игумена по занимаемой им должности корпусного священника. 2 октября владыка Анастасий написал об этом указе о. Никону, предложив ему получить все дела о церквах и духовенстве корпуса в епископском совете и доставить в Синодальную канцелярию. В тот же день митрополит отправил письмо сербскому епископу Мукачево-Пряшевскому Владимиру с просьбой издать распоряжение канцелярии епископского совета о передаче соответствующих дел игумену Никону²⁷.

К сожалению, указание митрополита выполнено не было, дела остались в Белграде, в синодальную канцелярию не поступили и, видимо, погибли. Дело в том, что этот указ о. Никон получил лишь 18 января 1945 г., в период передышки в ходе боевых действий. До этого времени духовенство корпуса наравне с другими его чинами участвовало в тяжелейшем многокилометровом походе, сопровождавшемся почти непрерывными боями. 4 октября игумен отслужил в гарнизонной Александро-Невской церкви Белграда напутственный молебен перед началом похода, на следующий день церковь была разобрана и в сопровождении членов причта (настоятеля, иеродиакона Вассиана, псаломщика И. А. Ревенко, регента хора А. Н. Мушенко и церковного старосты Г. Н. Енько-Даровского) вместе с частями корпуса отбыла в Чачак.

Сначала о. Никон служил в городском Вознесенском соборе вместе с его духовенством, когда же в районе Чачака начались ожесточенные бои, сербские священники покинули город, богослужения в соборе прекратились, и причт Александро-Невской церкви организовал совершение Божественной литургии в воскресные и праздничные дни в частном доме, причем эти службы посещали и местные жители. 24 октября члены причта, отправлявшиеся на отпевание полковника Б. Гескета, попали под обстрел «катюш» — иеродиакон Вассиан был убит, о. Никон ранен в руку и лицо, а псаломщик Иван Ревенко контужен. В тот же день о. Вассиан был отпет игуменом при участии иеромонаха Никодима (Нагаева), священника Владимира Могилева и погребен на погосте Вознесенского собора. В дальнейшем причт Александро-Невской церкви совершал богослужения в подвале здания народной школы, которое также интенсивно обстреливалось, в результате чего 15 ноября был легко ранен регент А. Н. Мушенко. В некоторые дни устраивались богослужения в помещении лазарета ветеринарной роты, где в вечерние часы также проводились духовные лекции и беседы. Кроме того, о. Никон после ухода из города сербского духовенства совершал требы для местных жителей.

28 ноября после совершения напутственного молебна части корпуса вышли в тяжелый поход через горные хребты в Сараево. Иконостас и наиболее громоздкие части инвентаря Александро-Невского храма ввиду невозможности транспортировки пришлось сдать в одну из православных церквей Чачака. Во время похода духовенство корпуса совершало молебны под открытым небом. В ходе одного из них в начале декабря погиб бывший псаломщик о. Никона Николай Иванов. 10 декабря части достигли Сараева, причем при

въезде в город «со стороны недоброжелательно настроенных элементов» была произведена попытка ареста корпусного священника с угрозой его расстрела «на скорую руку», игумена спасло энергичное заступничество командовавшего колонной генерала В. М. Пулевича. В дальнейшем около месяца о. Никон совершал богослужения в ранее закрытой усташами сербской церкви г. Киселяк и русском храме в Сараеве, настоятель которого протоиерей Алексей Крыжко, несмотря на давление хорватских властей, сохранил верность РПЦЗ. Поход для причта Александро-Невской церкви закончился в крещенский сочельник прибытием в штаб корпуса, размещавшегося тогда в г. Добое.

25 января 1945 г. о. Никон написал митрополиту Анастасию отчетный доклад, в котором отметил мужество, самоотверженность, усердие и преданность многих священнослужителей корпуса, нередко исполнявших свои пастырские обязанности на боевых позициях, но также с прискорбием сообщил о трудновосполнимых потерях большей части имущества полковых церквей. В конце доклада игумен отмечал: «В настоящее время после подтверждения своего назначения корпусным священником со стороны военного начальства я имею в виду установить должную связь с духовенством корпуса и за неимением положения о корпусном духовенстве временно определить свои взаимоотношения с ним применительно к прежним законоположениям о военном духовенстве и уставу духовных консисторий, считая свои права и обязанности соответствующими должности благочинного. Прошу подтверждения сего со стороны Вашего Высокопреосвященства»²⁸.

20 февраля Б. Штейфон также написал митрополиту, прося наградить всех священнослужителей корпуса «за храбрость», в том числе возвести игумена Никона в сан архимандрита. Почти все просьбы командира корпуса были удовлетворены. 14 марта Архиерейский синод постановил возвести священника Григория Бараникова в сан протоиерея, игумена Никона и иеромонаха Никодима наградить наперсными крестами, священника Василия Воскобойникова и иеромонаха Викторина — набедренниками, а священника Владимира Могилева — скуфьей. Протоиерею Борису Молчанову, священнику Владимиру Ульянову и игумену Никону было преподано благословение Синода. 16 марта владыка Анастасий известил об этом Штейфона, указав, что о. Никона не могли возвести в сан архимандрита, так как он недавно был удостоен сана игумена. Священник Иоанн Баско остался без награждения, так как 16 февраля подал прошение об увольнении со службы в корпусе по состоянию здоровья и возрасту и 13 марта был освобожден от должности священника 5-го полка с зачислением в приходскую общину. 24 февраля Штейфон попросил митрополита Анастасия о рукоположении во диакона для корпусной церкви вместо убитого иеродиакона Вассиана окончившего в 1942 г. Богословские миссионерские курсы в Белграде ефрейтора Олега Беляева. 13 марта владыка поставил на этом ходатайстве резолюцию о том, что Беляев должен сам подать прошение, и, судя по всему, рукоположение не успело состояться²⁹.

Следует отметить, что, воспользовавшись затишьем в боевых действиях, Штейфон приезжал в Германию и 31 января, явившись к генералу

А. А. Власову, заявил о своей готовности безоговорочно ему подчиниться. Однако все попытки Власова добиться переброски Русского корпуса в Германию не имели успеха, и корпусу вскоре пришлось участвовать в тяжелейших боях против наступавшей Народно-освободительной армии Югославии под командованием Тито под Травником и Брчко³⁰.

В начале 1945 г. помимо о. Никона о своем окормлении частей Русского корпуса митрополиту Анастасию написали еще несколько священнослужителей, в частности, иеромонахи Никодим и Викторин. Последний 25 февраля сообщил, что в селе Мирковцы православный хорват умолял его сохранить последнюю святыню оскверненного устахами храма — мощи, спрятанные в верхнюю доску святого престола. Иеромонах Викторин взял не только мощи, но и поврежденные ударами иконы, а также полусожженный антиминос, найденный в другой разрушенной сербской церкви. Все это он по акту передал игумену Никону.

Обширный отчетный доклад 8 марта отправил владыке священник 4-го полка иеромонах Никодим. Он откровенно сообщил о чрезвычайных тяготах службы в обстановке почти непрерывных ожесточенных боев, в частности, невозможности лично отпевать многих павших, так как нередко приходилось отступать «без возможности выносить убитых и тяжело раненых воинов, которых партизаны обыкновенно добивают». Устраивать богослужения в боевой обстановке удавалось лишь изредка для отдельных небольших частей полка; в городах и в монастыре в Овчарской Бане использовались местные православные храмы, причем для сербов, лишенных своих священников (убиты устахами или бежали), эти службы являлись «большим утешением».

Иеромонах отмечал: «Православные сербы оказывали при этом священнику, хотя и русскому, такое уважение и внимание, которое мы никогда не видели в Сербии. Только тут мы обоюдно чувствовали свое братство по вере». Церковное имущество, собранное в Белграде и Белой Церкви и вывезенное отсюда о. Никоном, в том числе чтимая икона равноап. князя Владимира, погибло при нападении на перевозивший его железнодорожный состав изменившими четниками. При отходе из Сербии без вести пропал служивший санитарным унтер-офицером священник Василий Никонов. Самому о. Никодиму было 62 года, он страдал от последствий ранений, полученных еще в годы гражданской войны, но при этом нередко ночевал на открытом воздухе, а в непогоду на дожде. Резко критиковал иеромонах и отношение к священнослужителям полкового начальства, отводившего им место пребывания обычно в обозе³¹.

Доклад о. Никодима привез митрополиту Анастасию в Карлсбад священник Владимир Могилев, который при встрече с владыкой рассказал и о личных впечатлениях. Кроме того, в Карлсбаде, где тогда находился Архиерейский синод, во 2-й половине марта побывал и игумен Никон. Под впечатлением от этих докладов и бесед митрополит Анастасий 28 марта написал Штейфону критичное письмо, в котором указывал: «Я вижу, что священники в самое тяжелое для их паствы время находились по преимуществу в обозе, вне возможности обслуживать тех, для кого они главным образом нужны.

Полковое начальство в большинстве случаев совершенно не учитывает значение близости священника именно к передовым позициям, где он может напутствовать умирающих и отпевать убитых. Священники оказываются в положении элемента, служащего только обременением в походе, о чем иногда, не стесняясь, говорят им ответственные начальствующие лица, а церковное имущество трактуется как наименее важное. Этим в большей мере надо объяснить то обстоятельство, что почти все оно полностью утрачено».

Владыка просил начальника корпуса сделать указание командирам полков «о необходимости коренным образом изменить положение военных священников», в частности, держать их не при обозе, а при штабе полка с минимально необходимым для совершения богослужения комплектом вещей: антиминсом, епитрахилью, крестом, дароносицей и богослужебными книгами. В заключение митрополит отмечал: «Я знаю, насколько Вы высоко ставите значение миссии полковых священников, знаю вообще Вашу преданность св[ятой] Церкви, и это дает мне уверенность, что Вы не оставите без внимания изложенных выше пожеланий и своею властью и авторитетом устраните создавшиеся ненормальности в положении военных священников вверенного Вам охранного корпуса»³².

Следует отметить, что по соглашению со Штейфоном о. Никон уже больше года разрабатывал проект положения о корпусном духовенстве, в котором служба военных священников была бы должным образом регламентирована. Так, 17 февраля 1944 г. он на основании существовавших в российской армии законоположений и «современной церковной практики в Русском охранном корпусе» составил проект положения «Об управлении военным духовенством русских войск», в котором, в частности, были такие пункты: русское военное духовенство управляется архиереем на правах епархиального архиерея, избираемого Архиерейским Собором или Архиерейским синодом и утверждаемым высшим военным начальством; впредь до утверждения должности управляющего военным духовенством этим духовенством управляет председатель Архиерейского синода; каждая значительная единица военного строя или управления должна иметь своего священника с причтом и составлять подвижную парохию, или приход. 30 марта 1945 г. в Карлсбаде игумен Никон завершил составление уже более детально разработанного проекта «Положения о русском военном духовенстве». Этот проект был даже обсужден в Синоде (причем самым существенным замечанием было планируемое слишком малое количество священников на дивизию или корпус), но принять до конца войны его не успели.

Никон (Рклицкий) и Владимир Могилев в Русский корпус уже не вернулись. Игумен Никон остался при Архиерейском синоде, а отец Владимир весной 1945 г. был духовником сербского детского приюта в саксонском Аннаберге (позднее он принял монашеский постриг с именем Афанасий). Последние недели войны корпус с тяжелыми боями отступал через Боснию и Хорватию на север. События этого периода иеромонах Никодим описал в своем докладе митрополиту Анастасию от 7 августа 1945 г.: «Великий пост застал нас в этом году на охране путей сообщения в маленьком городке Жепче

в Боснии. Боевая обстановка была очень напряженная — снаряды залетали в город. И только некоторая часть полка могла присутствовать на богослужении и отговорить... Зато для православного сербского населения в Жепче мой приезд туда был настоящим праздником. Их храм, в котором я служил и для полка, был с началом войны (с 1941 г.) закрыт и обращен в казарму для немецких солдат, и в нем же было устроено «кино». После немцев вселились усташы. Сербский священник бесследно пропал. Много труда потребовалось, чтобы привести храм в надлежащий вид, но все это было сделано общими их и наших солдат усилиями чрезвычайно быстро. Все сербское население у меня исповедовалось и причащалось. Я крестил и отпевал... Относились ко мне как к своему родному и наперерыв приглашали к себе». Далее о. Никодим сообщал, что при переходе в Хорватию колонна, в которой он ехал, подверглась воздушным налетам и нападению партизан. В результате сгорела машина со всеми церковными и его личными вещами³³.

При проходе через Загреб 30 апреля 1945 г. умер Б. А. Штейфон. На его похоронах в Крайнбурге заупокойную службу совершил протоиерей Борис Молчанов. Последним командиром корпуса был назначен терский казачий полковник А. И. Рогожин. Пасхальное богослужение 6 мая для всех полков было совершено уже в Словении. Приказ о капитуляции Германии застал корпус на позициях около Любляны, и Рогожин отдал приказ пробиваться в Австрию. С боями русские части через горный перевал вышли к Клагенфурту, где 12 мая сдали оружие англичанам. К этому времени в корпусе оставались 5584 человека, общие же потери убитыми, умершими, ранеными, пропавшими без вести, уволенными по болезни и дезертировавшими за весь период его существования составили 11 506 человек³⁴.

Солдаты и офицеры корпуса были размещены в нескольких лагерях, созданных в селах на западе Австрии: Нассвег, Тигринг, Михельсдорф и др. Здесь сразу же началась активная церковная жизнь под руководством назначенного 26 мая исполняющим должность корпусного священника протоиерея Бориса Молчанова. Позднее А. Рогожин писал об этом так: «Я не могу вспомнить без душевного волнения, как бойцы Русского корпуса стремились создать свои походные храмы в тех необыкновенно трудных условиях. Стремление это было стихийным. Все полки по своему почину создали свои церкви. На выбранном красивом месте в своем районе воздвигался алтарь, самого храма не создавали — молились под открытым небом. Материалом для постройки служили главным образом ветви, но все было создано с таким вкусом и так много любви вкладывалось в это дело, что получалось красиво и оригинально... Писались прекрасные иконы талантливыми иконописцами, используя для этого мешки, получаемые от интендантства. Таким образом, в расположении корпуса было построено всего пять церквей, где регулярно совершались богослужения, умилавшие наши души и успокаивавшие наши смятенные сердца, наполняя их надеждой и верой в лучшее будущее.

Устраивавшиеся инициативой старшего корпусного священника, о. протоиерея Бориса Молчанова общие богослужения, на которые собирались все полки корпуса, оставили неизгладимые впечатления. Одно было в праздник

отдания Св. Пасхи, а другое — на первый день Св. Троицы. Недалеко от штаба корпуса, в сосновом лесу, устраивался временный алтарь, где “соборне” служили все священники литургию... По обеим сторонам импровизированного алтаря расположились хоры 1-го и 5-го полков; их проникновенному пению как бы вторило пение птиц. Дым от ладана медленно струился прямо к небу. Торжественная литургия закончилась коленопреклоненной молитвой тысячи белых воинов, уцелевших в огне сражений и теперь томящихся в плену. Пути Господни неисповедимы, но мы чувствовали тогда Его ближе во время этого чудного и незабвенного богослужения на 1-й день Св. Троицы»³⁵.

Много интересных подробностей о церковной лагерной жизни сообщил в уже упоминавшемся докладе митрополиту Анастасию от 7 августа 1945 г. иеромонах Никодим. В частности, он писал, что регулярно совершает богослужения в устроенной в виде шалаша церкви, иконы для которой написал известный белградский иконописец барон Мейндорф. В этом полковом храме во имя св. князя Владимира кроме настоятеля служили псаломщик Иван Ревенко, ходатайствовавший о рукоположении во диакона, и пономарь — бывший старший иподиакон владыки Анастасия Борис Крицкий. Помимо совершения богослужений отец Никодим читал лекции, 2 раза в неделю проводил занятия созданного им кружка ревнителей религиозного просвещения и церковной службы, а также преподавал Закон Божий в организованной для детей военнослужащих корпуса школе. В заключительной части письма иеромонах сообщал: «На день св. Владимира — наш храмовый праздник — было торжественное служение соборне всех военных священников. Пело 2 больших хора. Собралось корпусное начальство и возглавители всех полков. На мою немощ пала обязанность сказать проповедь». В это время в частях корпуса было 5 священнослужителей: помимо отцов Бориса и Никодима, иеромонах Викторин (Лябах), протоиерей Григорий Баранников и священник Георгий Трунов³⁶.

Военнослужащие Русского корпуса избежали участи казаков или чинов Русской освободительной армии генерала Власова, большая часть которых погибла в советских лагерях. Командиру корпуса А. Рогожину удалось доказать английскому командованию, что все его подчиненные являются старыми русскими эмигрантами и не подлежат выдаче в СССР. Вместе с чинами корпуса спаслись оказавшиеся в их лагерях около 70 военнослужащих 15-го казачьего корпуса и 200 особого полка «Варяг». Из тысячи чинов этого полка, оказавшихся в лагере около г. Таранто на юге Италии, было депортировано около 800 человек, имевших советское гражданство. Формально Русский корпус перестал существовать 1 ноября 1945 г., когда А. Рогожин отдал последний приказ по своей воинской части (в этот день она была реорганизована в Союз бывших чинов Русского корпуса).

Бывшие священнослужители корпуса, также избежав выдачи в СССР, в дальнейшем играли заметную роль в истории РПЦЗ. Иеромонах Викторин (Лябах) был возведен в сан архимандрита, а Антоний (Медведев), Никодим (Нагаев) и Никон (Рклицкий) удостоены архиерейской хиротонии и возведения в сан архиепископа³⁷. На кладбище православного женского монастыря

Ново-Дивеево в Спринг-Валли (штат Нью-Йорк, США) установлена часовня в память воинов Русского корпуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Протопопов М., прот.* «Живых поглотим их...». Путь от георгиевского креста к Голгофе. Мельбурн, 2000. С. 74–75, 91, 147, 211–212.
- ² *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 284, 287.
- ³ Institut für Zeitgeschichte München (далее – IfZ), MA1034. Bl. 310–311; Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 14–15.
- ⁴ IfZ, MA246. Bl. 678.
- ⁵ *Григорий (Грabbе), еп.* Завет Святого Патриарха. М., 1996. С. 325.
- ⁶ Синодальный архив Русской православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее – СА), д. Протоколы Архиерейского синода, 1940–1946 гг.; Русский корпус на Балканах. С. 39–40, 76–77.
- ⁷ *Протопопов М., прот.* Указ. соч. С. 99; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 52–54.
- ⁸ Русский корпус на Балканах. С. 15.
- ⁹ Там же. С. 20.
- ¹⁰ *Протопопов М., прот.* Указ. соч. С. 163.
- ¹¹ Русский корпус на Балканах. С. 19.
- ¹² СА, д. 18/41, л. 36.
- ¹³ Там же, л. 37–38.
- ¹⁴ Там же, д. 17/41.
- ¹⁵ Церковная жизнь. 1942. № 10. С. 154–155; Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 6–7.
- ¹⁶ Русский корпус на Балканах. С. 16–17.
- ¹⁷ IfZ, MA304. Bl. 560–561, 580.
- ¹⁸ Ebenda. Bl. 551.
- ¹⁹ Ebenda. Bl. 542.
- ²⁰ Церковное обозрение. 1943. № 8. С. 4; Русский корпус на Балканах. С. 115.
- ²¹ СА, д. 18/41.
- ²² Там же.
- ²³ Свидетельство М. А. Селихова автору статьи 17 мая 2004 г.
- ²⁴ СА, д. 41/43.
- ²⁵ Там же, д. Протоколы Архиерейского синода, 1940–1946 гг.; Русский корпус на Балканах. С. 142–144.
- ²⁶ Русский корпус на Балканах. С. 18, 24–25, 404; *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 53–54.
- ²⁷ СА, д. 51/44.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Русский корпус на Балканах. С. 18, 26–27.
- ³¹ СА, д. 51/44.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Русский корпус на Балканах. С. 353, 404; *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 54.
- ³⁵ Русский корпус на Балканах. С. 380–381.
- ³⁶ СА, д. 51/44.
- ³⁷ *Корнилов А. А.* Духовенство перемещенных лиц: Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002. С. 25, 31, 35, 86, 88–89.

Приложение

№ 1¹

**23 июня 1942 г., Аранжеловац — Рапорт командира 1-й бригады
начальнику охранной группы о необходимости прекращения в войсках
молений о Сербском королевском доме и Патриархе Сербском Гаврииле**

В Аранжеловац прибыл священник I-го отряда и в субботу 20.VI служил вечерню, а в воскресенье 21.VI — литургию. Во время службы на эктеньях и во время выноса Св[ятых] Даров он молился за Патриарха Сербского Гаврилу, короля и королеву. Является странным, что наши отрядные священники молятся за тех, кто поддерживает безбожников большевиков — разрушителей России, за тех, кто по радио поддерживает восстания в Сербии, т. е. против немцев и нас.

Мы не можем требовать, чтобы русское духовенство, служащее в сербских церквях, не молилось за Патриарха, короля и королеву, т[ак] к[ак] они на службе в Сербии, но полагаю, что священники, входящие в состав охранной группы, борющейся против коммунизма и его сторонников, не могут молиться за подстрекателей к убийству пяти русских добровольцев, замученных на линии жел[езной] дор[оги] Парачин-Заерчар. Этот вопрос тяжелый, но разрешить его необходимо.

Командир бригады ген[ерального] штаба генерал-майор Драценко.

№ 2²

**16 июля 1942 г., Белград — Письмо митрополита Анастасия (Грибановского)
начальнику Русской охранной группы Б. А. Штейфону о необходимости
поминовения короля и Патриарха**

Ваше Превосходительство глубокоуважаемый Борис Александрович!
Начальник штаба охранной группы препроводил мне возвращаемый при сем рапорт командира I-й бригады генерал-майора Драценко по вопросу

о поминовении за богослужениями Патриарха Сербского Гавриила, короля и королевы. По содержанию этого рапорта считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее.

1. Наша Церковь в Сербии по церковным правилам может существовать самостоятельно только с разрешения сербской церковной власти. По тем же правилам каждый епископ и священник обязан поминать за богослужением местное священноначалие. Святейший Патриарх Гавриил, который, кстати сказать, за время своего управления Церковью всегда оказывал любовь и внимание к Русской Церкви и эмиграции и неоднократно резко выступал против коммунизма, если сейчас и не управляет Церковью фактически, остается ее каноническим Главою, и потому на ее территории мы не имеем права его не поминать.

2. Что касается королевского дома, то он не низложен, и оккупационные власти не только разрешили поминовение короля за богослужениями, но и разрешили празднование дня рождения короля Петра. Имея в виду это обстоятельство и то, что Сербский королевский дом неизменно оказывал русской эмиграции свое высокое покровительство, а также был всегда известен своим непримиримым отношением к коммунизму, мы не имеем основания преступные призывы английской пропаганды приписывать личности короля Петра II и делать его за них ответственным. Принимая во внимание все вышеизложенное, я нахожу совершенно невозможным делать распоряжение о прекращении его поминовения в русских церквях, доколе оккупационные власти допускают вообще таковое поминовение на территории Сербии. Такое распоряжение, не вызываясь необходимостью, только осложнило бы и без того неудовлетворительные отношения между местным населением и русской эмиграцией.

№ 3³

25 сентября 1944 г., Белград – Письмо командира Русского охранного корпуса Б. А. Штейфона митрополиту Анастасию (Грибановскому)

Ваше Высокопреосвященство милостивый архипастырь и отец!

С отбытием Вашего Высокопреосвященства из пределов Сербии по обстоятельствам военного времени и с переходом оставшихся здесь русских приходов и возглавляющего их епископского совета в ведение сербской церковной юрисдикции полковые церкви вверенного мне корпуса остаются вне церковного объединения и возглавления.

Ввиду настоятельной необходимости объединенного действия полковых церквей и должного обоснования их церковного положения прошу Ваше Высокопреосвященство, применительно к положению о русском военном духовенстве, полковые церкви вверенного мне корпуса, как не связанные с населением определенной территории и обслуживающие исключительно чинов корпуса, подчинить непосредственно возглавляемому Вашим Высокопреосвященством Архиерейскому синоду Русской Православной Церкви через главного священника Русского охранного корпуса. Для этой цели свя-

щенник штаба корпуса будет назначен главным священником Русского охранного корпуса.

Прошу это утвердить, предоставив главному священнику сан архимандрита, что считаю необходимым для его авторитета. На должность главного священника прошу назначить иеромонаха Никона, с которым я давно работаю, с возведением его в сан архимандрита⁴. Главный священник, по соглашению со мной, разработает проект положения о корпусном духовенстве, который будет представлен на Ваше утверждение.

С глубоким почитанием и преданностью прошу Ваших молитв Б. Штейфону.

№ 4⁵

**28 марта 1945 г., Карлсбад — Письмо
митрополита Анастасия (Грибановского) командиру Русского
охранного корпуса Б. А. Штейфону**

Ваше Превосходительство глубокоуважаемый Борис Александрович!

Из полученных мною докладов и писем я вижу, что работа полковых священников в Русском охранном корпусе часто проходит не в тех условиях, которые необходимы для того, чтобы она вполне отвечала своему назначению.

Я вижу, что священники в самое тяжелое для их паствы время находились по преимуществу в обозе, вне возможности обслуживать тех, для кого они главным образом нужны. Полковое начальство в большинстве случаев совершенно не учитывает значение близости священника именно к передовым позициям, где он может напутствовать умирающих и отпевать убитых. Священники оказываются в положении элемента, служащего только обременением в походе, о чем иногда, не стесняясь, говорят им ответственные начальствующие лица, а церковное имущество трактуется как наименее важное. Этим в большей мере надо объяснить то обстоятельство, что почти все оно полностью утрачено. Сами же священники, находясь в обозе, нередко должны были и помещаться в одной комнате со всеми обозными солдатами, которые, не стесняясь их присутствием, проявляли все отрицательные свойства свои, делая их свидетелями брани и вообще обычной для тыловых обозных служащих нравственной распущенности. Такое положение часто исключает возможность священникам осуществлять свою высокую пастырскую миссию и вредно для их престижа.

Все это побуждает меня просить Ваше Превосходительство сделать указания командирам полков о необходимости коренным образом изменить положение военных священников. Я полагаю, что они, подобно тому как это было в прежней Российской армии, должны находиться при штабе полка, а не при обозе. Оттуда им легче будет посещать и отдельные части, и вообще они будут ближе к тем воинам, которые по преимуществу требуют пастырского попечения.

Само собой разумеется, что священник в таких условиях должен иметь при себе минимальное количество вещей, необходимых для совершения

богослужения. Он обязательно должен иметь при себе св[ященный] антиминс, епитрахиль, крест, дароносицу и самые необходимые книги. Все остальное церковное имущество можно иметь в обозе, но с тем чтобы на начальствующих в оном лицах лежал долг заботиться о сохранности его наравне с важнейшим военным имуществом.

Вот те пожелания, которые вытекают из полученных мною сведений об опыте бывших до сих пор передвижений частей корпуса. Я знаю, насколько Вы высоко ставите значение миссии полковых священников, знаю вообще Вашу преданность св[ятой] Церкви, и это дает мне уверенность, что Вы не оставите без внимания изложенных выше пожеланий и своею властью и авторитетом устраните создавшиеся ненормальности в положении военных священников вверенного Вам охранного корпуса, о существовании каковых Вы могли быть недостаточно осведомлены до сих пор.

Призывая на Вас Божие благословение, остаюсь Вашим усердным слугой [митрополит Анастасий].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Синодальный архив Русской православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее — СА), д. 17/41, л. 36. Копия.
- ² Там же, д. 18/41, л. 37. Копия.
- ³ Там же, д. 51/44, б/л. Подлинник.
- ⁴ Постановлением Архиерейского синода РПЦЗ от 2 октября 1944 г. иеромонах Никон (Рклицкий) был возведен в сан игумена.
- ⁵ СА, д. 51/44, б/л. Копия.